

**«Прелестные всадницы без робости
подъехали к нам»:
сексуальная культура монгольских народов
в записках русских путешественников
XIX века**

Описания сексуальных нравов жителей восточных стран в путевых заметках европейских путешественников XVIII–XIX веков современными исследователями обыкновенно понимаются как способ подчеркнуть инаковость народов, обитавших вне границ европейской цивилизации. Иностранцы, побывавшие на Руси в XV–XVIII веках, в своих мемуарах живописуют страну, погрязшую в распутстве, пороках и сладострастии (в отличие от российских авторов, описывающих своё отечество как царство целомудрия). Россия глазами иностранных путешественников – это и рай для гомосексуалистов, благодаря широкой распространённости последнего и весьма терпимому отношению к нему, удивительному для Запада того времени [6; 43–45]. Так же описывалась и сексуальная культура других народов. К примеру, общим местом в путевых заметках европейских путешественников XVIII в. становится обвинение турков в гомосексуализме [1; 93].

Какова степень достоверности такого рода описаний? В какой мере европейские путевые записки о России или представленные здесь заметки русских путешественников о Монголии могут являться источником знаний о сексуальных нравах этих народов? Можно всё списать на колониальный дискурс, снабдить статью парой ссылок на Эдварда Саида и отказать этим текстам во всякой достоверности. А можно признать, что путешественники с Запада проецируют на конструкт под названием «Восток» содержание своего подсознания, с его кипящими страстями, подавленными дисциплинарными практиками европейской цивилизации.

В этом есть смысл, поскольку сам предмет наблюдений объективно сложен для изучения иностранцами. Впрочем, в XVIII или

---

* Евгений Ильич Рабинович – к. культ., доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).

XIX веке ситуация путешествия весьма способствовала погружению в среду. Если вы в течение нескольких месяцев пересекаете страну по бездорожью, едите и спите на постоялых дворах, близко и плодотворно общаетесь на привалах с аборигенными молодками, то ваши знания об этой культуре окажутся в высокой степени заслуживающими доверия. Бесспорно, реальность, пропущенная через фильтр восприятия офицера Генштаба, правительственного чиновника, члена духовной миссии или имперского востоковеда XIX века, окрасится в тона, порой мало соответствующие объекту наблюдения. Жанр путевых заметок почти непременно предполагает описание нравов туземцев. Слепо ли будет автор копировать литературные приёмы предшественников или же постарается выйти за их пределы и создать свой оригинальный подход – в любом случае получившийся документ будет обусловлен литературной традицией. Авторы путёвых записок будут учитывать вкусы, пристрастия, предрассудки своих будущих читателей. Вполне возможно, что самые смачные описания нравов туземцев будут вызваны не пресловутой колониальной психологией, но понятным стремлением развлечь читателя описанием милых шалостей туземцев. Не забудем и цензуру при издании книги – бесспорно значимый фактор при поиске информации по интересующей нас теме.

В итоге неизбежен вопрос: чему же посвящено представленное исследование? Сексуальным нравам монгольских народов? Изучению подавленной сексуальности российского общества XIX века, спроецированной на кочевников? Или (через сложную систему переносов и контрпереносов) современной российской сексуальности? Автор не готов навязывать читателю одну точку зрения и предлагает каждому выбрать близкий ему подход.

Самые благожелательные описания сексуальных нравов монголов принадлежат членам Российских духовных миссий в Пекине. О. Иакинф Бичурин замечает о нравах монгольских женщин, что «они мало уважают непорочность ложа, и, даже перед иностранцами, не показывают большой застенчивости» [4; 170]. Российские путешественники начала XIX века не критикуют номадов за излишнюю вольность нравов. Они благодушно прощают их страстную необузданность, понимая, что странно требовать от детей степей знания европейских норм приличий. Напротив, они позволяют себе любоваться непосредственностью своего нового окружения и с неизбежной похвалой отзываются о монгольских женщинах как «имеющих свежие и румяные лица, и взгляд живой, пламенный. Подлинно, некоторые из сих дочерей пустыни... награждены от природы прелестями, могущими... возбудить внимание, если не соперничество, даже в кругу европейских красавиц» [12; 298]. Путешественники не только любят со стороны грацией монголь-

ских амазонок, но и охотно идут на диалог, особенно если сами дамы имеют к этому склонность: «преlestные всадницы без робости подъехали к нам и удостоили нас своего внимания» [11; 90].

Впрочем, монголы не столь невинны, как могло бы показаться, и включены в семью цивилизованных народов через приобщение к религии. Член российской пекинской духовной миссии Е. Ф. Тимковский, характеризуя нравы монголов, либерально отмечает, что «они хотя доселе погружены в невежество; но нравы их... несколько смягчены правилами Ламайской или Шигемуниевой веры. Они вообще гостеприимны, ласковы, услужливы, добродушны и откровенны» [12; 299]. Чрезвычайно любопытное замечание! В дальнейшем буддизм будет объявлен причиной падения нравов и распутства в монгольской степи.

Заложенная российскими духовными миссиями романтическая традиция любования монгольскими красавицами вскоре исчезнет. Чем дальше, тем больше женщины будут описываться как статистические единицы, заложницы экономических отношений и жертвы религиозной политики. Однако порой на страницах записок прорываются описания монгольских красавиц в прежней стилистике: «все движения были как будто тяжелы для неё, но в то же время чрезвычайно грациозны и эта грация тем сильнее поражала, что все остальное кругом было так не изящно» [13; 62].

Следующий большой период изучения Монголии – последняя четверть XIX века. Меняются авторы записок, на смену правительственными чиновникам и либеральному духовенству приходят офицеры Генерального штаба, которых в дальнейшем сменяют профессиональные востоковеды. Самый жёсткий критик сексуальной культуры Азии – это, конечно же, Н. М. Пржевальский. Нравы монгольских женщин Николай Михайлович характеризует с генеральской прямоотой: «По своим нравственным качествам, монгольские женщины добрые матери и хорошие хозяйки, но далеко не безукоризненно-верные жены. Нравственная распущенность здесь самая обыкновенная вещь, не только между замужними женщинами, но даже и между девушками. Подобные дела в Монголии не составляют секрета и не считаются пороком» [9; 49]. Общая характеристика нравов азиатских женщин, реконструируемая по работам замечательного российского исследователя Центральной Азии, удивительно напоминает нам описание нравов индийских женщин, оставленное другим выдающимся русским путешественником Афанасием Никитиным – краткое и ёмкое: «а жонки все бляди» [14; 8]. Однако если от записок тверского купца XV века мы не вправе требовать научной объективности, то к высказываниям маститого исследователя, представленным мировой научной обществу, мы обязаны отнестись со всем вниманием.

Объектом критики Пржевальского становятся не только представительницы прекрасного пола. Оценка нравственности монгольских лам носит ещё более резкий характер: «все ламы обязаны вести безбрачную жизнь; вследствие такого ненормального положения, между ними процветает разврат в различных формах» [9; 56]. Сложно себе представить источник этой информации, поскольку Пржевальский жалуется на сложности коммуникации членов экспедиции с местным населением и бестолковость переводчика. Каким образом, при столь неблагоприятных условиях для исследования туземных нравов, была получена эта информация, остаётся только гадать. Предположение же о непосредственном наблюдении членами экспедиции «разврата в различных формах», практикуемого монгольским ламством, выглядит несколько фантастично. Впрочем, развращённость монголов для Пржевальского не является специфичной для этого этноса, но, напротив, понимается как фактор, интегрирующие кочевников в глобальное азиатское цивилизационное сообщество, поскольку «грубое удовлетворение физических желаний и страстей — главная задача жизни каждого азиатца» [10; 496].

Ученики Н. М. Пржевальского в целом продолжали линию своего учителя, но не были склонны к столь резким формулировкам, порой смягчая описания монгольских нравов лирической стилистикой в духе ранних духовных миссий, как П. К. Козлов: «в обычае монгольских женщин порою «предложить себя в распоряжение мужчины»; в таком случае известный рыцарь степи, чтобы не навлечь на себя несчастья, не должен уклоняться от сближения с женщиной, в особенности если предварительно облагородить любовный акт призыванием матери человека — Земли» [5; 113–114]. Традицией становится указывать на многочисленность ламства как причину падения нравов: «ламы-монголы... не только открыто живут с девицами и замужними женщинами, но и женятся форменно, обзаводясь хозяйством и семьею» [5; 226]. Но теперь критика усиливается: «Особенно же растлевающим образом на молодых девушек и даже девочек влияют проезжие тибетцы-торговцы и богомольцы-монголы... <...> Богомольцы выбирают для своих стойбищ место вблизи монгольских юрт и немедленно же заводят любовные связи с местными девицами и женщинами. Последние обыкновенно сдаются на подарки» [5; 226–227]. Появляются и высказывания о крайне развращающем влиянии китайцев на нравы кочевников: «после китайского завоевания, они стали постепенно падать. <...> Свобода в половых сближениях вкоренилась и охватила все слои монгольского населения. <...> Девочки и мальчики уже в двенадцать лет, с целью сближения, ищут друг друга обыкновенно во время пастьбы скота. <...> Замужняя женщина

имеет по несколько друзей или поклонников, что не остается секретом для мужа, который не обращает внимания на неверность жены» [5; 225–226].

В последующем путешественники сконцентрируются на трёх темах: развращающее влияние ламства, похотливость приезжающих в Монголию бессемейных китайцев и проституция. Наибольшей критики подвергались бурятские ламы, что вполне естественно, поскольку проблемы этого монгольского народа являлись внутренними проблемами Российской империи.

Молодой офицер Генерального штаба, служившего в Забайкалье в 1880-х годах, делится своими наблюдениями о нравах бурят: «на бурятских вечеринках проявляется во всей силе грубый цинизм азиатского сладострастия... Бурятам, по-видимому, совершенно чуждо понятие любви,... в чем сказывается лишь грубая эгоистическая похоть» [2; 163]. Другой офицер через двадцать лет уже анализирует причины столь печального положения дел в Забайкалье: «У бурят супружеская жизнь не связана крепкими основами, чему виной отчасти бурятские ламы, которые в недавнем прошлом, в свои посещения знакомых семей, пользовались на правах почетного гостя женой хозяина... Зараженность многих лам... сама собой постепенно вывела этот дикий обычай» [7; 205]. О нравах уже монгольского духовенства говорит Г. Е. Грумм-Гржимайло, сообщая историю об одном из иерархов монгольской церкви, который «однажды въехал даже в Улусутай в телеге, запряженной пятью проститутками, и наконец похитил дочь генерал-губернатора» [3; 398].

Итог исследования падения нравов у монголов со всей научной обстоятельностью подводит А. М. Позднеев, говорящий, что «безбрачие лам и одинокая безсемейная жизнь богатых китайцев служат... главнейшими причинами разврата женщин, обнаруживающегося у них в самых ранних letech и в самых крайних размерах. Отцы и матери не только смотрят равнодушно на разврат своих дочерей, но еще бывают причинами их падения... Мужья без зазрения совести отпускают своих жен, лишь бы они приносили домой плату» [8; 137]. Российский востоковед для составления научного отчёта даже посетил монгольский дом терпимости и оставил его описание для потомков. Он сообщает, что «дома терпимости, содержатся в Урге исключительно китайцами. <...> Они тесны, грязны и отвратительны. <...> Для приходящих устраивается помещение... оно состоит из кровати, которая... представляет отдельную конуру, в которую можно пролезть через отверстие... Грязный и изорванный войлок, скатанный с одной стороны чтобы образовать изголовье, составляет все убранство постели. За пребывание в этой конуре платится $\frac{1}{2}$ кирпича чаю... но бывает, что какой-нибудь лама уговорится с проституткой разделить ложе

платно... Обыкновенными посетителями этих учреждений бывают: китайцы, живущие еще в звании приказчиков в больших китайских лавках; дети монгольских чиновников среднего класса и молодые ламы, живущие при своих родственниках и учителях» [8; 115–116]. Описанное выше не составляет специфику только столичных нравов. В Улясутае, как и Урга заселённом преимущественно китайцами, российский востоковед фиксирует проституцию как главное занятие монгольских женщин [8; 277].

Неизбежен вопрос: являются ли все эти описания сексуальных нравов исключительно неким колониальным проектом, конструирующим социокультурное пространство, но не отражающим его? Думается, что современные исследователи несколько увлеклись оценкой работ европейских учёных и записок образованных наблюдателей XVIII–XIX веков как тотально обусловленных культурными стереотипами. Можно сказать, что понимание записок путешественников XVIII–XIX веков как культурного проекта (если не культурной проекции) стало своеобразным культурным проектом XXI века. Разумеется, путевые дневники и записки европейских и российских путешественников XIX века часто предвзяты и во многом отражают смену колониальной политики европейских государств и Российской империи в Центральной Азии. Однако, при критичном к ним отношении, они бесспорно ценны для изучения сексуальной культуры и даже при поверхностном обзоре ставят под сомнение достоверность данных, получаемых из текстов, создаваемых внутри самих изучаемых культурных общностей.

Литература

1. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – М. : НЛО, 2003. – С. 93.
2. Грулёв М. В. Записки генерала-еврея. – М. : Кучково поле; Гиперборея, 2007. – 272 с.
3. Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. – Т. III. – Вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран. – Л., 1929. – 413 с.
4. Иакинф (Бичурин). Записки о Монголии. – Т. I. – Ч. 1–2. – СПб., 1828. – 339 с.
5. Козлов П. К. Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершённой в 1899–1901 гг. – Т. I. – Ч. 1. – СПб. : Издание ИРГО, 1905. – 256 с.
6. Кон И. С. Клубничка на берёзке: сексуальная культура в России. – М. : Время, 2010. – 608 с.
7. Осокин Г. М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. – СПб., 1906. – 304 с.

8. Позднеев А. М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. – Т. 1 : Дневник и маршруты 1892 года. – СПб., 1896. – 697 с.

9. Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. – Т. I. – СПб. : Издание ИРГО, 1875. – 381 с.

10. Пржевальский Н. М. Четвёртое путешествие по Центральной Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки. – СПб., 1888. – 536 с.

11. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. – Ч. 1 : Переезд до Пекина. – СПб., 1824. – 388 с.

12. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. – Ч. 3 : Возвращение в Россию и взгляд на Монголию. – СПб., 1824. – 433 с.

13. Пясецкий П. Я. Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. (Через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний, Северо-Западный Китай) : в 2 т. – Т. 1. – СПб., 1880. – 560 с.

14. Хождение три моря Афанасия Никитина. – Л. : Наука, 1986. – 214 с.